

И. Газарян

Переселение армян из Персии в Армянскую область в 1828 г.

Названная Армянской областью Восточная Армения присоединилась к России в 1828 г. в результате русско-персидской войны. Армянская область включала Эриванское и Нахичеванское ханства и Ордубадскую область.

Еще до окончания войны, вскоре после взятия Эривани, для управления областью было создано Эриванское Временное правление, начальником которого был назначен генерал Красовский. После окончания войны Временное правление было заменено Армянским областным правлением, возглавляемым А. Г. Чавчавадзе и подчиненным главноуправляющему Грузии генералу Паскевичу.

При Временном областном правлении был создан, в числе других учреждений, комитет по переселению христиан. Председателем комитета был майор Володимеров, позже — М. З. Аргутинский-Долгоруков¹. Функции этого комитета были непосредственно связаны с мирным договором. Согласно статье 15 Туркманчайского мирного трактата, подданным как России, так и Персии разрешалось в течение года переходить из одной страны в другую и располагаться на жительство в места, где разрешит принявшее их правительство.

Эта статья была подсказана желанием армян, проживавших на территории, оставшейся во власти Персии, перейти в российское подданство.

Статья оказалась чрезвычайно важной и самым решительным образом отразилась как на дальнейшей судьбе армян, так и на развитии Армянской области, обезлюдившей и опустошенной до такой степени, что ее трудно было бы возродить силами одного только коренного населения.

Стремление армян к переселению соответствовало интересам русского правительства, которое стояло перед необходимостью увеличить и уплотнить население присоединившейся области.

«Освобождение древней Армении от ига персиан можно почесть тогда довершенным, когда народонаселение в провинциях Араратской и Нахичеванской умножится»², что может служить предметом дипломатических переговоров с Персией. Так писал Паскевич к концу войны в одной из записок. Для достижения этой цели он прямо указывал на армян в Персии и Турции.

Еще в сентябре 1827 г., вскоре после взятия Тавриза русскими войсками, когда Паскевич вел мирные переговоры в деревне Дей-Карган, к

¹ См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, д. 1869, л. 131.

² ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 423, л. 13.

нему явились представители армян из разных местностей Азербайджана, главным образом из Хоя и Салмаса, и просили разрешения переселиться в области, которые останутся под властью России. Паскевич обнадежил их и предложил им вернуться в свои деревни для подготовки к переселению.

В рапорте начальнику главного штаба, сообщая, что депутаты от армянского общества, явившись сами, просили о переселении, Паскевич писал: «Будучи убежден таковыми их просьбами и находя, что заселение лежащих впусе на границе наших земель народом покорным, трудолюбивым и преданным нам может принести большую пользу, обласкал их депутатов и дал им просимое ими позволение, но не обнадеживал их отнюдь в особенном каком-либо пособии и других выгодах, кроме освобождения на неопределенное время от податей и повинностей»¹.

В связи с приходом русских вековое желание армян освободиться от персидского ига усилилось и вызвало большое движение среди них: они готовы были бросить дома и сады, возделанные поля и хозяйства, расстаться с могилами предков и устремиться в новые места.

Волне переселенческого движения нужно было дать разумное направление, и Паскевич уделил этому делу самое серьезное внимание. Об этом свидетельствуют его инструкции организаторам переселения и Армянскому областному правлению, а также отчеты Дибичу.

Переселенцы имели право уходить и вывозить или продавать движимое имущество в течение одного года, а для продажи недвижимости устанавливался срок в пять лет. Однако армяне не могли полностью использовать эти права. Им нельзя было оставаться в Персии после ухода русских войск, а этот уход был обусловлен уплатой контрибуции, которая следовала России по Туркманчайскому договору. Именно поэтому персидское правительство спешило с выплатой, что вызывало необходимость ускорить переселение. После ухода русских войск многим армянам угрожала жестокая расправа за помощь русским в войне, а избежавшие расправы не имели бы возможности собираться большими группами для переезда. Вследствие всего этого требовалось безотлагательно начать переселение. Комитет по переселению приступил к работе 10.IV.1828 г.² По желанию Паскевича комитет должен был состоять из одного штаб-офицера, двух обер-офицеров и «двух почетнейших граждан христианского исповедания»³. Фамилии обер-офицеров не отражены в документах, членами из «почетнейших граждан» были Барсег Кегамов и Симон Меликов⁴. Кроме того, советники Армянского областного правления Мелик-Саак и Ахметхан принимали непосредственное участие в организации водворения переселенцев на места⁵.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 978, л. 12.

² См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, д. 1869, л. 138.

³ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», т. II, Москва, 1938, стр. 157.

⁴ См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, д. 1869, л. 134.

⁵ См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1627, д. 12, лл. 96—97.

В Нахичевани 23.IV.1828 г. было открыто отделение комитета в составе четырех человек: председателя — штабс-капитана Неверовского и членов — Сукиаса Багдасарова, Оганеса Григорова и Симона Капителова¹.

26 июня того же года Паскевич назначил подполковника Грузинского пехотного полка Мовсеса Аргутинского-Долгорукова «старшим членом» в комитете, распорядившись, чтобы по прибытии последнего в Эривань «допустить его в назначенной ему должности председателя; теперешнего председателя майора Володимерова отправить немедленно в таковую же должность в Нахичеванское отделение на место штабс-капитана Неверовского, коему велеть остаться младшим членом»².

Комитет и его отделение должны были нести полную заботу о переселенцах с момента вступления последних в Армянскую область.

В специальной инструкции Армянскому областному правлению Паскевич четко определил функции комитета. Получив уведомление об отправлении партии переселенцев, комитет «немедленно должен выслать от себя навстречу партии нарочных, которые принимают оную в непосредственное свое владение»³. Далее комитет, сообразуясь с числом семей, должен направлять переселенцев на места водворения. При этом предписывалось стараться водворять переселяющихся целыми селениями, а в случае невозможности — помещать переселенцев разделенных селений по соседству.

Строго вменялось в обязанность считаться с характером местности прежнего жительства и не заставлять жителей гор поселяться в равнинах и наоборот.

«Сие необходимо сколько для сбережения переселенцев от смертности и болезней, столько и для предохранения от разорения, с переменою обычных им хозяйственных упражнений сопряженного»⁴.

Интересно, как Паскевич проявляет заботу о помещиках и церкви, специальной статьей запрещая поселять переселенцев на помещичьих землях и допуская поселение «на землях монастырских в случае совершенного недостатка земель казенных»⁵. Паскевич хорошо понимал, что царизм несет армянскому трудовому народу тот же классовый гнет, который испытывал в России русский народ, и, следовательно, стремился подготовить опору в лице духовенства и немногочисленного класса помещиков для борьбы против неминуемого в будущем крестьянского движения.

В инструкции проявляется забота о благоустройстве быта переселенцев. Предписывается выбирать для селений удобные, здоровые и обеспеченные водой места. Замечается стремление изменить плачевный облик армянской деревни в условиях персидского владычества. Рекомендуются «убеждать жителей, дабы они селились по прямым линиям, оставляя улицы не менее трех сажен шириною... вообще стараться приохотить их строить дома, более прочные и с лучшими удобствами, нежели какие

¹ См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, д. 1869, лл. 131, 134, 137.

² Там же, л. 131.

³ «Собрание актов...», т. II, стр. 158.

⁴ Там же, стр. 158—159.

⁵ Там же.

обыкновенно бывают у поселян здешних; для сего впоследствии времени можно будет во всяком новом селении для одного бедного, но трудолюбивого семейства выстроить образцовый дом со всеми принадлежностями от казны...»¹.

Далее в инструкции говорится о денежном пособии нуждающимся в виде ссуды от 10 до 20 руб. серебром, а также посевного зерна. Все эти пособия выдавались беспроцентно, и переселенцы должны были начать возвращать их только через 4 года, равными частями в течение 6 лет. Комитету предписывалось вести строгий учет и документацию по отпущенным деньгам и зерну.

Комитет был обязан докладывать Паскевичу через областное правление о водворении каждого селения, а по окончании всей операции представить ему полный отчет о своей деятельности.

Организацию переселения в Персии Паскевич возложил персонально на полковника Л. Я. Лазарева. Выбор пал на Лазарева не случайно. Для выполнения этого важного политического мероприятия Паскевичу нужны были помощники-армяне. Л. Я. Лазарев — сын основателя Лазаревского института, представитель рода, издавна пользовавшегося популярностью у всего армянского народа, был настолько необходимым в этом деле, что Паскевич вызвал его из Петербурга, где Лазарев служил в отдельном корпусе внутренней стражи.

Ему, как и Армянскому областному правлению, Паскевич послал подробные инструкции.

Следовало незамедлительно начать переселение из областей, которые раньше других должны были быть оставлены русскими войсками. Всех желавших переселиться надо было внести в списки, составленные по определенной форме, выделив семьи, нуждавшиеся в пособиях. Затем их предлагалось разделить на партии по 150—300 семей и о выезде каждой партии незамедлительно ставить в известность Армянское областное правление. Партии должны были сопровождать офицеры, а у границы их встретить нарочные от комитета. Те и другие должны были оставаться при партиях до самого места водворения.

Осуществляя переселение, Лазарев по возможности придерживался инструкции. Во избежание каких-либо нареканий впоследствии со стороны персидского правительства, он просил персидских чиновников, а также члена английской миссии капитана Виллока, наблюдать за действиями организаторов переселения.

В ходе организации переселения всплывали затруднения. Это были, прежде всего, затруднения материального порядка, поскольку каждая семья, чье благополучие заключалось в возделанном поле или саде, становилась бедной, как только отрывалась от этого своего имущества, и нуждалась в пособиях, значительно большем, чем было предусмотрено в инструкции. Со стороны персидского правительства чинились серьезные препятствия. Подписывая Туркманчайский трактат, разрешающий пе-

¹ „Собрание актов...“, т. II, стр. 160.

переселение, персидское правительство не предполагало, какие масштабы оно примет. Но когда армяне решительно стали покидать насиженные места, и когда село за селом, город за городом и провинция за провинцией двинулись к берегам Аракса, тогда персидское правительство встревожилось. Уход трудолюбивого населения, которое, несмотря на угнетенное положение, умело «обогащать и себя и страну», в руках которого находились торговля и ремесла, грозил принести значительный ущерб Персии¹.

Персидское правительство тайно запретило покупать имущество переселяющихся. Хотя это и было ударом для подавляющего большинства переселяющихся, однако это не повлияло на их решение. Чтобы во что бы то ни стало остановить поток переселяющихся, персидское правительство повело агитацию среди армян. Вопреки условиям Туркманчайского трактата и при подстрекательстве английской миссии, оно рассеяло по всей стране агентов, которые внушали армянам, что немедленно по прибытии в Россию они будут превращены в крепостных, а молодые люди будут отданы в солдаты. Эти же агенты обещали тем, кто останется, освобождение на долгое время от всяких податей и денежное вознаграждение, значительно превышающее пособие, назначенное российским правительством. Старшин переселенческих групп пытались подкупить подарками. Но армяне не поддавались на эту агитацию.

Неблаговидную роль играли некоторые представители армянского духовенства (хотя в целом духовенство, угнетаемое персидским правительством, также стремилось к переселению). Епископ Салмасского монастыря Исраэль, который «тайными и явными угрозами удерживал армян к переселению в наши провинции», отправил письмо (перехваченное Паскевичем) управляющему Салмасским магалом, в котором уговаривал не переходить к русским и препятствовать переселению армян².

Старания епископа Исраэля, однако, ни к чему не привели и никого не удержали от переселения.

Трудности пути по территории с враждебным населением, известная незапность, при которой не было достаточно времени на сборы, привели к тяжелым утратам.

Несмотря на все препятствия и затруднения, переселение шло ускоренным темпом. Сведения о численности переселенцев различны. Можно считать, что их было 40 тысяч человек.

Основная масса переселенцев была водворена в Армянскую область, часть в Карабах и Зангезур.

Нахичеванская область, вследствие близости к границе, сделалась как бы распределительным пунктом, однако она не могла ни разместить, ни прокормить всех переселенцев. Положение усугублялось тем, что Эксан-хан, управлявший Нахичеванской областью, и его приближенные не

¹ См. «Собрание актов...», т. II, стр. 167, 171.

² См. ЦГИАЛ, ф. 880, л. Переписка патриарха армянского Нерсеса с разными лицами, л. 12.

разрешали поселяться в деревнях, которые были ими незаконно присвоены. Люди стояли лагерем под открытым небом и терпели нужду во всем.

Комитет по переселению оказался неподготовленным и не смог обеспечить переселенцев всем необходимым. Острая нужда в хлебе сразу же создала затруднительное положение. Затруднение это возникло в значительной мере по вине персидского правительства, задержавшего запасы пшеницы сардара, которые «по праву войны и по мирному трактату есть собственность российская»¹. Закупить хлеб в Маку или в других соседних областях не удалось. Значительное количество хлеба было получено из аббас-абадских продовольственных складов, но этого было недостаточно. Тогда переселенцы сами нашли выход из положения.

Покидая свои дома, они не успели снять урожай, а подчас даже взять с собой имевшиеся запасы, потому что Лазарев торопил уходом, боясь их оставить без защиты русских войск. Позже сам Лазарев с досадой сообщал Паскевичу: «Не имев верных сведений о времени, когда войска наши должны оставить области персидские, и не быв извещен о сем для соображения в действиях моих господином генерал-майором Панкратьевым, я считал долгом спешить выселением христиан, видя совершенно в начале действий моих, что не только трудно, но вовсе невозможно будет исполнить сие по выходе войск наших»².

Теперь же, видя, что русские войска еще не ушли из Салмаса и Хою, мужчины, оставив на время свои семьи, отправились туда, забрали имевшиеся там запасы и вернулись с хлебом. Многие остались там дольше, чтобы онять урожай. В своем рапорте Лазарев рассказывал об этом в весьма одобрительном тоне:

«Пришед в Нахичевань и не получа там никакого почти вспомоществования, народ сей не пришел в отчаяние и, отправясь обратно в Хою и Салмас, в скорости привез такое количество хлеба, что цены, существовавшие в Нахичеване, весьма унизились»³.

Чтобы обеспечить беспрепятственный вывоз хлеба в случае, если бы русские войска не остались в Персии до жатвы, тем, кто оставался для сбора урожая, выдавались от имени командующего расположенными в Персии войсками квитанции, удостоверяющие, что весь засеянный переселенцами хлеб куплен российским правительством. Эти квитанции передавались офицерам, которые оставались в Персии для надзора за имуществом переселенцев. В сообщении Паскевичу Лазарев следующим образом комментировал свои распоряжения: «Во всяком случае, когда весь хлеб сей будет объявлен казенным, и по выходе войск наших персидское правительство не осмелится препятствовать переселенцам в сборе оногo»⁴. Дальнейшее переселение было Лазаревым задержано. Хотя в его обязанности не входило заботиться о переселенцах в пределах Армянской области, но тревожные известия о положении в Нахичевани заставили его

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, л. 1869, л. 55.

² Там же, л. 16.

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же, лл. 31—33.

поехать туда. Лично ознакомившись с положением вещей, он направил часть переселенцев в Эриванскую провинцию и Карабах, выдал две тысячи червонцев для пособий и отправил одного из офицеров в Армянское областное правление с требованием ускорить водворение переселенцев в Нахичеванской провинции, вследствие недостатка в ней казенных земель.

На этом заканчивается деятельность Лазарева, так как, вернувшись в Хой, он передал свои полномочия Аргутинскому-Долгорукову и в середине июня уехал в Карс для участия в русско-турецкой войне. В декабре Лазарев представил Паскевичу подробный отчет. Отчитываясь в израсходованных суммах, Лазарев выражал уверенность в том, что «она вскоре может с избытком быть возвращена правительству. Вместо же пустынь, покрывающих теперь поля древней Великой Армении, возникнут богатые селения, а может быть и города, населенные жителями трудолюбивыми, промышленными. Кизляр и Новая Нахичевань, ныне цветущие колонии, приносящие значительный доход государству, поражают успехами своей промышленности»¹. Вместе с тем он просил помочь переселенцам обосноваться на новых местах.

Армянское областное правление было озабочено также проблемой жилищ для переселенцев и размещением вдов и сирот в Эриванской провинции. Нерсес Аштаракский — член правления, много способствовавший делу переселения, предписал монастырям обеспечить их жилищем и, взяв детей на полное содержание до их совершеннолетия, предоставить вдовам «средства к разным рукодельям».

Около 135 человек было размещено по монастырям, остальные — в богатых армянских домах².

В опеке нуждались не только вдовы и сироты, но и семьи тех, кто отпраздновал на старых местах для снятия урожая. 7 июля председатель комитета Володимиров явился в правление и заявил, что ушедшие «оставили здесь семейства свои в одних почти женщинах и малолетних детях, заключающиеся без всякого призрения, которые беспрестанно обращаются в комитет с просьбами о доставлении им продовольствия; как же оный, не имея у себя денег, не может удовлетворить таковых, то посему они заставляются в пропитании себя терпеть крайнюю нужду»³.

Недостаток средств на пособия у правления и комитета чувствуется во всех донесениях. В этих условиях помощь армян — коренных жителей — имела большое значение. Отдельные случаи материнских пожертвований и предоставления жилья переселенцам до некоторой степени облегчали их положение⁴.

В ряде рапортов А. Г. Чавчавадзе просил об отпуске средств на пособия, просил разрешения не вычитывать из денег, выдаваемых переселенцам на хозяйственное обзаведение⁵, суммы, выданные им на путевые

¹ «Собрание актов...», т. II, стр. 181.

² См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, л. 1869, лл. 37—38.

³ Там же, л. 78.

⁴ См. там же, л. 33.

⁵ См. там же, л. 70.

расходы, и стремился убедить Паскевича в том, что это выгоднее казне, так как поможет лучшему и скорейшему хозяйственному обзаведению¹, а пособия вернутся в казну «после четырехлетней льготы в течение шести лет»², т. е. не позже чем через десять лет. Царское правительство приняло меры для того, чтобы гарантировать себе возврат ссуд; за них отвечали не отдельные переселенцы и даже не отдельные семьи, а целые общества³.

Главной льготой с целью помочь переселенцам на новых местах являлось освобождение от всех податей сроком на шесть лет⁴.

Но, будучи освобождены от податей, переселенцы не могли уйти от мелких пут феодальной системы, вследствие чего испытывали новые, непредвиденные материальные затруднения, особенно в первое время, когда все они находились в Нахичеванской провинции. Здесь переселенцы остро страдали от рахдарных повинностей.

«В г. Нахичевани существует откуп, весьма тягостный для переселенцев: не только со всякого убиваемого барана взимается плата, но даже за каждый купленный батман хлеба должно вносить непомерную пошлину»⁵. Так писал Лазарев Паскевичу и просил воспретить нахичеванскому начальству взимать эту подать.

О том же доносил Паскевичу и Чавчавадзе, упоминая, что с каждой убиваемой скотины откупщики взыскивают по 1 руб. серебром и сообщая, что Эксан-хану предписано оградить переселенцев от всех сборов, существовавших в Нахичеванской провинции, включая и этот последний.

К 1829 г. Нахичеванская провинция была разгружена и основная масса переселенцев водворена на постоянные места жительства. Правда, вследствие несогласованности действий между представителями русской администрации, вследствие того, что Армянское областное правление до последнего времени не имело точных сведений о количестве свободных земель и характере местности, в процессе водворения было много шероховатостей.

С одной стороны, переселенцы, не будучи в состоянии дожидаться, пока местное начальство отведет им пустые селения, стихийно рассеялись в тех лучших деревнях, которые были полностью или частично покинуты своими обитателями. Подчас они занимали всего несколько пустых домов или оседали там, где видели некоторый избыток пахотной земли, и уже потом обращались к властям с просьбой об утверждении их местожительства. С другой стороны, часты были случаи, когда областное правление водворяло их на места, не сообразуясь (вопреки инструкции) с характером местности и родом занятий переселенцев. Вследствие такой несогласованности переселенцы иногда не подчинялись предписаниям прав-

¹ См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, д. 1869, л. 70.

² Там же.

³ См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1627, д. 12, л. 39.

⁴ См. И. Шопен, Исторические судьбы армянского народа... стр. 1217.

⁵ ЦГИА Грузинской ССР, д. 1869, ф. 2, л. 30.

ления и, игнорируя отведенные им селения, размещались по своему усмотрению, что часто вызывало столкновение с коренными жителями.

Так, распоряжаясь переселенцами в Карпинском магале, члены правления Мелик-Саак и Ахмет-хан отвели для переселенцев, временно остановившихся в деревне Каримарх, деревню Узун-Аба. Но крестьяне не захотели уйти в Узун-Аба. Из-за этого коренные жители Каримарха не могли посеять хлопок, являвшийся предметом их основного промысла. Областное правление получило рапорт карпинского магального начальника и поручило чиновнику особых поручений Амонтову «дознать, по каким причинам вышеупомянутые армяне не выселяются на назначенное им для постоянного водворения место, и если армяне будут представлять причины, которые по усмотрению его признаются не заслуживающими уважения, то немедленно озаботиться бы переселением их на места, назначенные ассессорами сего правления майором Ахмет-ханом и Меликом-Сааком»¹. Распоряжение это осталось без ответа, и, по-видимому, жители как-то сами пришли к соглашению, потому что новых жалоб не поступало.

По всем этим причинам, хотя водворение и было закончено в основном в 1829 г., но еще долго (в течение всего 1830 г., а в отдельных случаях и до 1832 г.) продолжались местные перемещения. При этом переселенцев подчас заставляли переходить с места на место по несколько раз.

В тех случаях, когда переселенцы размещались стихийно, это рано или поздно приводило к столкновению с коренным населением. Несмотря на обилие незаселенных земель, переселенцы, естественно, стремились обосноваться в деревнях, покинутых жителями. Это были обычно районы наиболее плодородных, орошаемых земель; наконец, здесь были готовые жилища. Между тем коренные жители покидали эти деревни не навсегда. Они опасались в горах от бедствий военного времени и почти все вернулись к 1829 г. Найдя свои жилища занятыми, они вступали в споры с новыми хозяевами, иногда выходили победителями, но чаще, вынужденные уступить, обосновывались поблизости на менее выгодных участках или уходили в горы, где строили себе новые селения и водворялись навсегда. Бывало и так, что в период размещения переселенцев коренные жители тоже меняли места, иногда по распоряжению правления, иногда по собственному желанию, вероятно, соблазняясь более плодородной землей или лучшим орошением. Часто они испытывали разочарование и возвращались; но, возвратившись, находили в своих домах переселенцев. Такие частичные перемещения иногда укользали от внимания администрации. Но если коренные жители требовали освободить принадлежащие им жилища, в таких случаях дело доходило через магального начальника до правления. Так, из чрезвычайно путаного рапорта сурмалинского магального начальника Симона Султана выясняется, что такие перемещения имели место в деревнях Сулейман-Абад, Ибрагим-Абад, Алапарс

¹ ЦГИА Грузинской ССР. ф. 1627, д. 12, лл. 96—97.

и Диза, часть населения которых переходила из одной деревни в другую, возвращалась обратно за помощью к находившимся там членам областного правления Мелик-Сааку и Ахмет-хану. Областное правление поручило чиновнику особых поручений Амонтову вывести из Дизы жителей, «возвратившихся самовольно из деревни Алапарс, куда они сами же добровольно первоначально перешли...», причем внушить семействам, перешедшим самовольно из деревни Алапарс, что за такой своевольный их переход, хотя бы и следовало бы с них взыскать, но по неведению ими в сем случае российскими законами предписанного порядка оказывается им снисхождение, с тем, однако же, чтобы они впредь от подобных случаев воздерживались; в противном случае поступлено будет с ними по всей строгости¹. Эта строгость диктовалась стремлением различать переселенцев от коренных жителей, потому что иные коренные жители, возвратясь на старые места, намеренно смешивались с переселенцами и, выдавая себя за таковых, пользовались льготами. Представители русской администрации сетовали на то, что не было никакой возможности предотвратить эти злоупотребления². Возможно, что чисто формально это действительно было злоупотреблением, но по существу коренные жители, разоренные войной и оставшиеся бездомными, подчас нуждались в льготах не меньше переселенцев.

Примером необдуманного размещения переселенцев является случай с 10 000 выходцев из Урмии. Их поместили по указанию правления в Зангibasаре и Гарнибасаре, а через некоторое время они получили словесное распоряжение от имени того же правления «выйти отсель и рассеяться по разным селениям и по местам, прилегающим к горам»³. Между тем это были жители равнины, и они уже приступили к обработке земли и постройке жилищ на новых местах. Собравшись всем обществом, они составили два прошения, одно — Паскевичу, другое — в Армянское областное правление, в которых объясняли, что не привыкли к гористым местам, и просили не переводить их с места на место⁴.

«Чрез сие будем мы приведены в последнее жалостное положение», — писали они и просили «или купить на счет казны в вышеозначенных двух местах участки земель и поселить нас в спокойствии, или приказать нам, продав последний свой скот и имущество, купить те места, по правилам правительства о покупаемых землях, дабы продавцы не могли набавить на нас цену по своему произволу, или же показать нам, 1500 домам, другие пространные поля и изобильные водою места; ибо мы все земледельцы и другого средства к пропитанию нашему не знаем. Мы..., надеясь на милость христоролюбивой империи, переселились сюда, лишась всего имущества не для того, чтобы, живя на чужих землях, каж-

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1627, л. 12, лл. 130—132.

² См. И. Шопен, указ. соч., стр. 1217.

³ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, л. 1869, л. 96.

⁴ См. там же, л. 101.

дый раз переменять места своего жительства или сделаться слугами помещиков...»¹.

В ответ на это прошение Паскевич предписал правлению оставить урмийских крестьян на местах².

В областное правление поступали прошения и обратного характера — с просьбой переселиться на другие места вследствие неудобства отведенной им местности. Правление в общем не возражало, хотя и предписывало магальному начальнику выяснить, нет ли препятствий к новому переселению. Однако вокруг этого вопроса возникала такая волокита, что у просителей зачастую иссякало терпение, они кое-как приносивались к неудобной земле и отставляли свою просьбу.

Так было с 20 семействами из деревни Молла-Баязет, Сардарабадского магала³. Так было и с переселенцами, водворенными в деревне Аг-Бат, Шарурского округа. Они писали, что «терпят от нечистого воздуха нужду и болезни и просят позволить им построить для себя дома около границы той деревни»⁴.

В большинстве возникавших конфликтов правление становилось на сторону переселенцев, но все приведенные случаи необдуманного размещения их затрудняли и замедляли и без того длительный и мучительный процесс устройства на новом месте.

Только в 1830 г. были окончательно водворены переселенцы и упразднен комитет по переселению.

После заключения Адрианопольского мира имели место аналогичные переселения и из Турции.

Значительная часть переселенцев из Турции водворилась в Грузии, близ турецкой границы. Некоторое количество их было направлено в Карабах, а в Армянской области поселилось около одной трети вышедших из Турции — свыше 20 000 человек.

Огромное положительное значение переселений заключается в том, что десятки тысяч армян были спасены от неминуемой гибели, и разоренная Армянская область получила возможность экономического развития.

Впервые в истории армянского народа переселение совершилось по доброй воле и, хоть армяне и покидали насиженные места, но шли они не под ударами погоняющих их врагов, а под охраной дружественных войск на родину.

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, л. 1869, л. 100.

² См. там же, л. 121. Предписание от 30.XI. 1828 г. № 957. Черновик без подписи, но почерк Паскевича.

³ См. там же, ф. 1627, л. 12, лл. 134—144.

⁴ Там же, лл. 142—143.